

**Проза Ивана Рыжова располагает к печали, к грусти и думе, высокой думе... То, как она сделана, вызывает восхищение. Любопытно, что собственные его восхищения, упования, надежды и радости полны печали. Это пушкинское — "Печаль моя светла..." Полагаю, он так же труднопереводим на чужеземные языки, как и Пушкин. Как все искони русское, как всякое чисто национальное явление...**

# ВИДЕНИЯ ИВАНА РЫЖОВА

...Только что почти полностью перечел две последние его в некотором роде итоговые книги — "Позднее свидание" (1996) и "Встречу" (2000).

Может, и думать не думалось автору, но рассказ к рассказу, все вроде частный случай, а вот поди ж ты, — сложилась одна и единая и, увы, — беспроглядная картина деревенской жизни за последние полсотни лет жизни, озаряемой разве что закатами и тихим прелестным светом русских пейзажей...

Бесконечная грусть в этом нескончаемом его затянувшимся обманном прощальном романе с деревней. Что называется, бес в ребро... Или, точнее, пример того, как нет сил перерезать пуповину ни у матери, ибо она уже умерла, ни у дитяти, хотя оно уже выросло, но обесиленное смертной своей любовью...

И в самом пронзительном рассказе Ивана Рыжова "Аринкин хутор" и на копейку нет завиральности, нарочитости, намеренной сгущенности атмосферы или укрупненности характеров и ситуаций, на изломе которых проще живописать. Мир его рассказов зауряден, обычен и обыден. И именно на фоне этой обыденности, повседневности, неброскости тем острее встает и проступает суть того, что сотворила (и творит) с собою Россия. Временами кажется, что и дышать нечем...

В последнем (покамест) придерживающемся еще классической формы рассказе "Лебедушки" Иван Рыжов пытается вырваться из затянувшейся уже его болезненно-сладкой трясины (тематики), обращаясь к жизни любимого писателя и своего учителя Ивана Бунина, ища спасения в ней, хватить хоть там воздуха. Но лаковые, песенные "девицы-лебедушки" со стройной чернотой поповой дочкой впереди хоровода оказываются фикцией. За ними маячит, за ними слишком отчетливо проглядывает уже столетней давности фантом бунинской — и тогда уже исковерканной и обескровленной "Деревни".

И там она его достает. Круг замыкается.

Новое время, его душевная сухотка, его духовная анемия



Иллюстрация из книги Ивана Рыжова "Встреча".  
Художник Николай Силаев.

передернувшихся, кувыркнувшихся через собственную голову властей ("перестройка") задерживают последние горизонты.

Ни позади, ни впереди — ни зги.

Только один, уже собственный, усохший и истощенный от самоудержания "последний корень".

Не просто как гражданин Отечества, как писатель, Иван Рыжов с его неутихающей, с единственной его, с его неизменной, непеременимой любовью, пусть, пусть даже к родным гробам и пепелищам, оказывается в ситуации, близкой к творческому коллапсу, не он один.

Писатель переживает мощную творческую ломку... Она сродни той бунинской, времен "Окаянных дней"...

Но Бунин тогда был еще относительно молод... Он был в расцвете творческих сил... Не совсем то здесь...

Из-под пера писателя один за другим выходят вдруг краткие, недоговоренные, недосказанные, как бы — мимолетные — рассказы...

Это не солоухинские "Камешки на ладони". Те оставались в русле прежней солоухинской прозы. Не бондаревские "Мгно-

вения", которые перешли в разряд почти чистой публицистики. Здесь что-то другое...

Проза Рыжова всегда отличалась обстоятельностью, предметностью, сугубой заземленностью, твердостью и крепостью, речь и язык — при всей пластичности — плотностью и ядренностью, она была именно человеческой и земной, за что ее и любили по всей России. Она была укоренена в своем времени.

Здесь странная взволнованная — именная — речь, здесь нет времени (или оно без разницы и номинально), мир целокупен, здесь нет изб и углов, ничего суетного, только русский простор и пространство, небеса, воздух, язык стал текуч и прозрачен, как вода, перо подобно свету, им только освещаются вещи и предметы. Они сделались легки и невесомы, они волнуются и тают, ибо прежде них — столь тонкие определения, что вещи превращаются в тени, в цвета, в марева, мир переливается, дразнится, блазнится, чудится, встает как видение!

"Кроткий убогий день. Был — не был. Гостил — уехал. На серо-зеленом лугу стоял, прядал, густо ржал золотой конь".

Душа восхищается! Сердце изнывает в сладости!

Что же произошло?

Здесь, наконец-то, пера и бумаги коснулась вечность. Здесь свет и дух побежал... Явился же предвестник, обольститель, создатель! Слова явлены в какой-то первобытной красе и силе, в какой-то заговоренности и завороченности, когда

они были почти одно с природой, с душой, с космосом. Кажется, еще усилие — и они дойдут до той первозданности, до того состояния, когда слово означало — Бог. И обретут ту силу дыхания, любви и обольщения, которой созидался мир — в свежести и чистоте. Словом он был сотворен! И, читая нынешнего Рыжова, я верю — вещей дух русской деревни носится уже над полями, над безвидной землей и водой и скоро, скоро — сызнова станет и утвердится на них!

Сам Иван мне видится таким. За ним всегда следует, точнее, впереди него всегда идет его аура — из света.

Он и не говорит, а как бы слегка бухтит, такие легкие раскаты, такое вальжное урчание грома, ибо — огненные и блещущие вострые молнии он отдал уже прозе, а это избыток, который изливается на встречах.

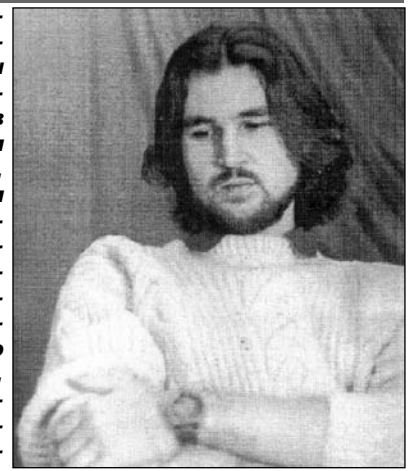
Соответственно, он может гневаться, но не умеет злиться. В нем нет зла. Отсюда — энергетика и свет.

Тонкость, приметливость, традиция. Преданность русскому языку, в люльке которого сидит кудесник.

Анатолий ЗАГОРОДНИЙ.

## ЯРКИЙ ПУТЬ НЕИССЛЕДИМЫЙ

Коренному орловцу, а ныне москвичу Алексею Шорохову всего тридцать один год. Но в мае на XII писательском съезде, проходившем в Орле, он избран секретарем Союза писателей России, оказавшись самым молодым из восьмидесяти членов секретариата — основного руководящего органа Союза писателей. Кроме того, Алексей назван самым публикуемым автором творческого союза, поскольку его стихи, эссе и критические литературоведческие статьи с удовольствием печатают столбичные издания самых разных литературных и мировоззренческих направлений.



После окончания Литинститута Алексей полтора года успешно и плодотворно работал в "Орловской правде", пока вновь не уехал в Москву, поступив в аспирантуру того же знаменитого института. Сейчас он лауреат престижной премии "Хрустальная роза Виктора Розова", обладатель других творческих наград, неприменный участник всероссийских чтений и выездных семинаров Союза писателей России.

Недавно в орловском издательстве "Вешние воды" вышла новая книга стихов Шорохова "Путь неисследимый". Иллюстрации к ней сделал известный орловец — заслуженный художник России Николай Силаев, редактором стала не менее известная поэтесса-землячка Ирина Семёнова. Предлагаем читателям подборку стихов поэта — из новой книги, а также несколько ещё нигде не публиковавшихся.

### Алексей ШОРОХОВ

Еще живут в Орле мои друзья,  
Еще плывут туманы над Окою,  
Но возвратиться мне уже  
Туда, где жил я каждую  
Туда, где жил я каждую  
Туда, где жил я каждую  
Туда, где жил я каждую

И все белей в полях моих,  
Студеный ветер бродит  
Какой же будет горький  
Когда и это все в душе остынет!

Когда, на миг задумавшись,  
Суровый глас услышу  
И, оглянувшись, не увижу вас  
В сиянье звезд — над бездной

### ВОЗНЕСЕНИЕ

"...И в небеса  
возносится Россия,  
Как тайна тайн и высший из  
миров".

И. Семенова.

Россия, покрытая снегом,  
Вся в белом и в трепетном вся,  
Каким-то вселенским ковчегом  
Летит, над землею скользя.

Лишь ветер звенит  
Морозной и ясной ночи,  
Да крест холодеет нательный,  
Да кто-то вдогонку кричит.

Но поздно — в покинутых аллеях  
Остались хула и хвала,  
И громы викторий батальных,  
И мирного времени лад.

Все выше, белей и родимей!..  
Из ветра, и свиста, и мглы  
Все явственной —  
И вечному Богу хвалы!

Посв. Ю. Оноприенко  
С каждым днем все ближе  
Где в траве затерянный ручей,  
Как пера замысловатый  
В даль уходит — светлый  
И ничей.

И над всем вокруг, над сном  
И тоскою сердца моего —  
Тишина великая: ни звука,  
Ни дыхания ветра, ничего!

Будто жизнь, отговорив,  
Будто вот-он он, конец пути —  
В буйстве трав, в затерянном  
Уголке нетронутым... в груди.

Посв. А. Кувакину

Так дохнуло далекой зимой  
На веселое наше бесснежье,  
Что не стало дороги прямой,  
И кривую-то видим все реже.

В этой тьме, что уснуть не дает,  
В этой вечности, вставшей  
Слышны темные гулы за спиной,  
И осенние песни рябины.

Я все больше теряюсь во мгле  
Этих дней, вечеров, перепутий.  
Я не помню уже, сколько лет  
Этой долгой болезненной жути.

Я все ждал, что товарищ придет,  
Что любимая встанет  
Но тридцатая осень — и вот:  
Я один в этот памятный

Все, что будет, уже сочтено.  
Знать об этом — душе  
Просто время такое: темно...  
И дороже от этого люди.

## В ПОИСКАХ ТАЛАНТОВ

Вечером последнего четверга каждого месяца в Доме писателя (Орёл, ул. Салтыкова-Щедрина, д. 1) проходят занятия литературного объединения при областной организации Союза писателей России. Начинающие поэты обсуждают свои произведения, прислушиваются к оценкам поэтов-профессионалов.

В нынешнем году в литобъединении решено открыть секцию молодой прозы. Приглашаются авторы моложе сорока лет с рассказами до шести машинописных страниц. Первое занятие состоится 27 января.

Ю. АЛЕКСА.